

Акопова Юлия Алексеевна

ЕПИФАНИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО И КАРЛА ЮНГА

В статье дается анализ художественно-публицистического наследия Андрея Белого в культурном контексте эпохи рубежа XIX-XX веков. В частности, поднимается проблема корреляций между символистскими интуициями Андрея Белого и психоаналитической теорией Карла Юнга. Точки соприкосновения философских исканий Белого и научных выводов Юнга активно изучаются в современной гуманитаристике. Цель данного исследования - осмысление пути духовного преображения личности, декларируемого Белым и Юнгом. Результатом анализа художественных текстов и публицистики русского писателя и поэта и ряда научных исследований психоаналитика является вывод о совпадении их мнений о том, что главным ориентиром духовного самопреобразования личности является Христос, репрезентирующий архетип самости. Духовное вознесение человека происходит в моменты эпифанических откровений, запечатленных художественными средствами в произведениях Белого и теоретически осмысленных в трудах Юнга. "Диалог" Белого и Юнга, расширяющий горизонты человеческого самосознания, актуален для современных антропологических исканий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 12-14. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

В статье дается анализ художественно-публицистического наследия Андрея Белого в культурном контексте эпохи рубежа XIX-XX веков. В частности, поднимается проблема корреляций между символистскими интуициями Андрея Белого и психоаналитической теорией Карла Юнга. Точки соприкосновения философских исканий Белого и научных выводов Юнга активно изучаются в современной гуманитаристике. Цель данного исследования – осмысление пути духовного преображения личности, декларируемого Белым и Юнгом. Результатом анализа художественных текстов и публицистики русского писателя и поэта и ряда научных исследований психологического является вывод о совпадении их мнений о том, что главным ориентиром духовного самопреобразования личности является Христос, репрезентирующий архетип самости. Духовное вознесение человека происходит в моменты епифанических откровений, запечатленных художественными средствами в произведениях Белого и теоретически осмысленных в трудах Юнга. «Диалог» Белого и Юнга, расширяющий горизонты человеческого самосознания, актуален для современных антропологических исканий.

Ключевые слова и фразы: Андрей Белый; Карл Юнг; епифания; символизм; коллективное бессознательное; неохристианство; архетип; самость; самосознание; антропология; онтология; теодицея; антроподицея.

Акопова Юлия Алексеевна, к. филол. н.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
yuay@mail.ru

ЕПИФАНИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО И КАРЛА ЮНГА

Возможность корреляций между символизмом Андрея Белого и теорией коллективного бессознательного Карла Юнга обусловлена их соприсутствием в культурном пространстве рубежа XIX-XX веков [7]. Кроме того, известно об опосредованном диалоге Белого и Юнга через общего знакомого Э. Метнера, теоретика символизма, создателя «Мусагета» и первого издателя Юнга на русском языке. Метнер познакомил Юнга с трудами русских младосимволистов [10], в частности, с интуитивными символистскими прозрениями Белого, его описаниями феномена коллективного бессознательного. «Диалог» Белого и Юнга состоялся, видимо, и по причине их устремленности к «расширению сознания», созданию нового знания о человеке, универсального по своей сути, синтезирующего достижения различных областей человекознания: науки, искусства, философии.

Самосознание европейской культуры в период антропологического кризиса начала XX века было устремлено к поиску пути духовного «выздоровления» личности, излечения «здешнего» бытия от онтологической порчи. Западноевропейский психолог и русский символист оказались созвучны в прозрениях этого пути. Докажем это.

Новая траектория нравственного спасения и возрождения человека, провозглашаемая Белым и Юнгом, оказалась глубоко отличной от учения «исторического христианства». О «неохристианских» тенденциях начала двадцатого века размышлял Н. А. Бердяев. «Истинная антропология, – писал философ, – может быть обоснована лишь на откровении о Христе» [5, с. 312].

Однако, по мнению Бердяева, в центре внимания ортодоксального христианства был природный человек, подавленный своим падением грешник. Важнейшее призвание человека в религиозном понимании – искупление греха. Новое религиозное сознание главной миссией человека считает реализацию его творческой сущности. Для этого человек должен быть оправдан, подобно тому, как в теодицеях оправдывался Бог: «...наступает пора писать оправдание человека – антроподицею» [Там же, с. 261]. По Бердяеву, человек несет в себе образ Бога и через это делается человеком. Истина о человеке, экзистенциальная по своей сути, не может быть выражена в догматических формулах – это есть символ, понятия об этом нельзя выработать.

Переход от «схоластики к символизму» [9] отразился в дискурсивных практиках эпохи: характерным для творчества ряда писателей начала XX века (А. Белого, Д. Джойса, М. Пруста) становится «эпифанический» дискурс, укорененный в христианском откровении [8], запечатлевший живое, пульсирующее сознание личности в моменты божественного откровения. Джойс создает особый жанр – «эпифания», дает свое определение богословскому понятию: «духовная манифестация», «весьма деликатные и мимолетные состояния души» [6]. Динамика художественного изображения в произведениях модернистов – это движение к озарению, одновременно высь и вглубь, устремленность к самопознанию и совпадению с самим собой.

Андрей Белый считал «преображение человечества», вознесение человека к космическому «Я» главной задачей будущего религиозного преобразования мира, совпадающей с целью символистского искусства: «Культура есть христианство: христианство – религия самосознающего “Я” <...> культура есть Антроподицея, сочетающая Теодицею с Космодицеей» [2, с. 311]. Символизм, по Белому, – метод, «соединяющий вечное с его пространственным и временными проявлениями» [Там же, с. 246].

В 1920 году, почти за десять лет до появления юнговского определения самости и теории коллективного бессознательного, в статье «Пути культуры» Андрей Белый пишет о наличии в самосознании личности некоего центра, который «...не есть “Я” личности, а – одновременно пересечение “Я” коллектива, “Я” мира и “Я” человека» [Там же, с. 311], истинное «Я» личности. Это, по Белому, высшее начало человека, его «самость» [Там же, с. 309]. Ценность и цель творчества – в создании себя по образу и подобию богов, которые являются символами высшего начала в человеке. Только творческая, живая личность может приблизиться к Богу, поскольку продолжает божественное дело сотворения мира: «...нас ждет наше “Я” <...> Только эта форма творчества еще сулит нам спасение. Тут и лежит путь будущего искусства» [Там же, с. 144], – декларирует Белый в статье «Будущее искусство».

В статье «Эмблематика смысла» Белый пишет об этапах творческого преобразования личности: «...индивидуальное переживание стремится стать универсальным <...> в “я” личное переживается “я” вечное...» Вершиной творческой символизации становится богоявление. Бог – символом субъекта, совпавшего с самим собой [Там же, с. 61].

«Христос, символ самости» – так и называется одна из глав известной юнговской книги «AION» [12]. Юнг, исследуя феноменологию самости, приходит к выводу о том, что именно Христос «репрезентует архетип самости» [Там же, с. 204]: возможность епифании, по Юнгу, предопределяется тем, что в психических глубинах личности, в коллективном бессознательном присутствует образ Бога, «архетип целостности». Однако этот образ ускользает из области сознания и человек теряет ощущения единства с Божьим образом. В процессе «индивидуации» человек «припоминает» исходное состояние слияния с образом Бога, «спонтанным символом самости или целостности» [Там же].

Человек обожествил самое таинственное и мощное начало в себе – самость: «...я и Он – одно», – приходит к выводу и Андрей Белый в «Эмблематике смысла» [2, с. 61].

Художественное наследие Белого в определенном смысле являет собой уникальный опыт запечатления трансцендирования личности, восхождения ее – различными способами – к своему высшему началу, самости.

Христа прозревают многие персонажи Андрея Белого, состояние епифании у Белого может быть изображено как, например, результат длительного процесса становления самосознания человека («Котик Летаев»): «первое» рождение и «образование сознания», затем – рождение «окрепшего “Я”», «когда мы вторично родимся» [Там же, с. 326], «Я» как космической, надиндивидуальной сущности:

Распинаю себя <...>

Перегоревшие муки мои – этот блеск.

Во Христе умираем, чтоб в Духе воскреснуть [4, с. 442].

Выходы из своего «эго», «пульсации стихийного тела» переживают практически все персонажи Белого в его «Петербурге», ведь именно так и понимал Андрей Белый свою писательскую миссию: найти «живое» начало в герое и тем самым «оправдать» его. В романе «Москва под ударом» Белый изображает мучительный путь высвобождения подлинного человеческого «я» из «личины». Полуослепший от мук профессор Коробкин под пыткой сходит с ума, но «прозревает» истину, а затем «возносится» в космическую вечность.

Персонаж Белого может прийти к состоянию епифании, сознательно устремившись к нему. Рассказ «Йог» (1918) написан после возвращения из Швейцарии, где Белый изучал антропософию Штейнера, техники медитации. Белый художественно запечатлевает свой опыт трансцендирования. Герой рассказа, которого, как и персонажа «Москвы под ударом», зовут Иван Иванович Коробкин, продолжает галерею «чудаков», во многом списанных Андреем Белым со своего отца, выдающегося математика, человека не от мира сего. Коробкин, сорок лет заведующий библиотечным отделом в музее, проживая в серой «невнятице» будней и тяготясь ими, нашел способ вознесения в «светящийся» мир. «Упражнения» Ивана Ивановича («концентрация», «медитация», «конTEMPLация») вводили его в особые состояния сознания, когда сквозь знакомые предметы его комнаты являлась «новая жизнь всекипящего мира» [1]: «...перекипая от образа к образу, выносился за образы <...> тут субстанция его состояний сознания уподоблялась *мировой пустоте*; он же сам – пустота, немота, безглагольность, бездвижность – взирал на свой собственный вспыхнувший центр пустоты, как на *ты*, стоящее посередине души его; это ты принимало напечатление Неизвестного, казавшегося исконно Известным, Кого мы забыли; напечатление Неизвестного, казавшегося исконно Известным, кого мы забыли, гласило:

– Дни текут!

Се, грядущи!» [Там же].

В предисловии к симфонии «Кубок метелей» Белый писал о том, что путь к новому религиозному сознанию возможен только через «религию любви» [3, с. 254]. Светозарная любовь к миру, природе, женщине как епифаническое откровение просветляет бытие персонажа «Световой сказки»: «Вся солнечность, на какую я был способен, все медовое золото детских дней, соединяясь, пронзила холодный ужас жизни, когда я увидел Ее. И огненное сердце мое, как ракета, помчалось сквозь хаос небытия к Солнцу, на далекую родину» [Там же, с. 471]. Символы, «светозарные знаки» в сказке Белого («солнце», «свет мира», «звезды») указывают на присутствие в мире божественного начала, на возможность высшего счастья божественного прозрения. Лик возлюбленной

персонажа («ее глаза – два лазурных пролета в небо – были окружены солнечностью кудрей и матовой светозарностью зорь, загоревшихся на ее ланитах. Пожарный пурпур горел на ее тонких губах») [Там же, с. 472]) напоминает символический образ Христа, который создает Белый в статье «Священные цвета» (голубые бездонные глаза – «два пролета в небо», золотые волосы, «красавый пурпур» [2, с. 209]).

Одним из символов самости, по Юнгу, является связанный Младенцем Христом архетип «Божественного ребенка» [11], олицетворяющий творческую силу личности на пути «индивидуации», духовного роста.

Образ Христа в «Световой сказке», симфониях («Кубка метелей», «Возврат») Белого коррелирует с образом ребенка. Персонажи, в которых, так или иначе, проглядывает детский образ (кротость Адама Петровича, душевная детскость Светловой, детское лицо Хандрикова, «обросшее бородой»), тоскуют по «утраченному» раю детства. Именно их в будущем ждет обретение самости и «возврат» в Эдем.

Юнг не был знаком с художественными произведениями Андрея Белого. Однако нам известна интерпретация Юнгом другого произведения модернизма – «Улисса» Джойса («Монолог “Улисса”»), романа, «тайная цель», «колоссальная задача» которого, по Юнгу, – раскрыть глаза современникам «на другую сторону реальности» [12, с. 396].

Высшим художественным достижением «Улисса» Юнг считает изображение процесса «обособления» человеческого сознания, осуществление его на практике и его последовательное приближение к божеству: «“Ты” в высшем смысле, не – эго, а Самость. Ведь только самость объединяет эго и не – эго, инфернальные области, человеческие внутренности <...> и небеса» [Там же, с. 402].

Таким образом, Андрей Белый и Карл Юнг в своих прозрениях пути преобразования человека совпадают в том, что главным духовным ориентиром человечества остается образ Христа как символа предельного духовного совершенствования личности. Путь самопреобразования личности возможен в синергии, соработничестве светозарной Божественной энергии и духовных усилий человека. В момент епифанического откровения происходит размыкание человека по отношению к Иному себе, а затем рождение глубинного духовного центра личности, символом которого является Бог.

Философские и художественные интуиции Андрея Белого и Карла Юнга актуальны для современных феноменологических трактовок личности, в частности, уникальной концепции «синергийной антропологии».

Список источников

1. **Белый А.** Йог [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1918_yog.shtml (дата обращения: 28.05.2017).
2. **Белый А.** Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. **Белый А.** Симфонии. Л.: Художественная литература, 1990. 528 с.
4. **Белый А.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. 671 с.
5. **Бердяев Н.** Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
6. **Джойс Д.** Собрание ранней прозы. М.: Эксмо, 2011. 880 с.
7. **Лютцова С. Н.** Андрей Белый и Карл Юнг о кризисе культуры: на пересечении теорий [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, 2006. № 6. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20236505> (дата обращения: 29.05.2017).
8. **Фоменко Е. Г.** Языкотворчество Джеймса Джойса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/yazikotvorchestvo-dzheymasa-dzhoysa4.htm> (дата обращения: 29.05.2017).
9. **Эко У.** Поэтики Джойса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/umberto-eco-poetiki-joyca.htm> (дата обращения: 25.05.2017).
10. **Юнг Г. М.** Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект, 2001. 306 с.
11. **Юнг К.** Божественный ребенок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elbooka.com/raznaja-literatura/kniga-psihologija/38237-yung-kg-bozhestvennyy-rebenok.html> (дата обращения: 21.05.2017).
12. **Юнг К.** Избранное. Мн.: ООО «Попурри», 1998. 448 с.

EPIPHANIES OF ANDREI BELY AND CARL JUNG

Akopova Yuliya Alekseevna, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Economics
yuy@mail.ru

The article analyzes Andrei Bely's literary and publicistic heritage in the cultural context of the epoch at the turn of the XIX-XX centuries. In particular, the author raises the problem of correlations between Andrei Bely's symbolist intuitions and Carl Jung's psychoanalytic theory. The common points of Bely's philosophical search and Jung's scientific conclusions are comprehensively analyzed in the modern humanitarian studies. The paper considers the path of personal spiritual transformation proclaimed by Bely and Jung. Having analyzed literary texts and publicistics by the Russian writer and poet and some of Jung's psychoanalytic researches the author concludes: they both agree that Christ representing the selfhood archetype is the key point of personality's spiritual self-transformation. Individual's spiritual ascension occurs at the moments of epiphany revelations depicted by artistic means in Bely's works and theoretically interpreted in Jung's studies. The "dialogue" between Bely and Jung broadening the horizons of human self-consciousness is relevant for the modern anthropological sciences.

Key words and phrases: Andrei Bely; Carl Jung; epiphany; symbolism; collective unconscious; neo-Christianity; archetype; selfhood; self-consciousness; anthropology; ontology; theodicy; anthropodicy.